

Е. А. Красикова

**ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ В ФОРМИРОВАНИИ КОДОВ КУЛЬТУРЫ:
ОПЫТ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПАРЕМИЙ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ**

Аннотация. Данная статья посвящена выделению когнитивных доминант, обеспечивающих своеобразие этносемантики русских и китайских паремий с компонентом-зоонимом «*马* / лошадь», а также особенности их дискурсивной реализации. Делаются выводы о том, что в китайском языке появление значительного числа таких паремий является культурно-обусловленным и связано с традициями и обычаями китайского социума.

Ключевые слова: коды культуры, лингвокреативность, фразеологические единицы, паремии, художественный дискурс, дискурсивный анализ, китайский язык, русский язык

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

Данная статья посвящена изучению когнитивных оснований формирования зооморфного кода (точнее, контекстов с зоонимом «*马* / лошадь») в русской и китайской лингвокультуре на примере фразеологизмов и паремий, с целью определения параметров, обеспечивающих их выбор в дискурсе.

Обращение к кодам культуры – это теоретико-методологический подход, обеспечивающий возможность описания лингвокультурных особенностей фразеологических систем разных языков и их сопоставление на объективных научных основаниях [1; 2]. Исследователи рассматривают разные коды культуры, в том числе часто анализируют зооморфный код. Важен также выбор методики сопоставления (см. [3; 4]). Мы выдвигаем гипотезу о том, что коды культуры основываются на когнитивных структурах и именно их следует изучать для выявления национально-культурных особенностей фразеологических единиц (далее ФЕ).

Лексика китайского языка, как и русского языка, включает не только отдельные лексические единицы, но и устойчивые сочетания. Китайская паремиология включает в себя готовые выражения 成语, привычные выражения 惯用语, пословицы 谚语, поговорки 俗语, усеченные выражения, недоговорки-иносказания 歇后语 [5; 6]. В материал данного исследования вошли только 成语 – готовые выражения, которые в подавляющем большинстве имеют фиксированную структуру, состоящую из четырех иероглифических знаков.

Зооморфный код культуры является одним из наиболее креативных в китайской паремиологии. В частности, источником формирования значительного количества фразеологизмов как в китайском, так и в русском языке является образ лошади. При этом в русской и китайской лингвокультурах в основе образа лошади во фразеологии лежат различные концептуальные основания.

В китайском языке в отличие от русского языка лексические единицы *лошадь*, *конь*, *мерин*, *кобыла*, *кляча*, *жеребец*, *жеребенок* не детерминированы и выражены общим иероглифом *马* «лошадь». В русском языке гипероним *лошадь* является общим для таких гипонимов, которые выражают гендерные и возрастные различия, как: *жеребец*, *кобыла*, *мерин*, *кляча* и т. д. При отборе материала в русском языке выборка осуществлялась по вышеперечисленным маркерам. Кроме того, в русский языковой материал включались не только ФЕ со структурой предложения, но и ФЕ-идиомы.

Источниками фразеологического материала для данного исследования послужили *在线汉语成语词典* [7] и фразеологические словари русского языка [8; 9; 10; 11; 12].

В материал нашего исследования вошли 100 фразеологических единиц китайского языка и 62 ФЕ русского языка, а также примеры их употребления в художественном (прозаическом) дискурсе.

В ходе исследования дискурсивной реализации выделенных единиц было установлено, что китайские идиомы используются как для характеристики человека (39 ФЕ), так и для описания ситуации (57 ФЕ). Была выделена также третья группа идиом, репрезентирующих одновременно и человека, и ситуацию (4 ФЕ). В русском языке 42 ФЕ (67.74%) описывают ситуацию и 20 ФЕ (32.26%) характеризуют человека.

ФЕ в китайском языке (далее КЯ) и в русском языке (далее РЯ) основываются на одном образе – образе лошади, но в двух разных культурах формируется разное фразеологическое значение, потому что один и тот же образ концептуализируется по-разному. Рассмотрение концептуальных оснований образа показывает, что в обоих языках во фразеологическом образе в фокус номинации попадают разные идеи.

При положительной характеристике человека в «фокусе обозначения» [З, с. 90] в РЯ и КЯ совпадают когнитивные доминанты, которые связаны с физическими характеристиками лошади – ее силой, крупными размерами и возрастом, который дает опыт и обеспечивает эффективность выполнения ею необходимых человеку функций:

КЯ: 盘马弯弓 *гарцевать на коне и натягивать лук* (обр. в знач.: бряцать оружием, напускать на себя грозный вид); 识途老马 *старая лошадь знает дорогу* (обр. довериться опытному коллеге в трудной ситуации); 高头大马 *крупная лошадь* (обр. здоровяк, крупный человек).

РЯ: *стальной конь; куда конь с копытом, туда и рак с клешней* (неодобр.) о том, кто пытается сравняться в каком-нибудь деле с тем, кто умнее (важнее, сильнее); *лошадина сила; старый конь борозды не испортит; на кривой кобыле не объедешь*.

В китайской культуре для **положительной характеристики человека** фиксируются следующие морально-этические свойства, которые приписываются лошади:

1. Верность: 犬马之劳 *верно служить, верный слуга; служить верой и правдой; трудиться изо всех сил; служить, как верный пес; 鞍前马后 служить верой и правдой; самоотверженно, преданно; всемерно*.

2. Сильный и свободный дух: 匹马单鎗 *конь да пика* (обр. в знач.: в одиночку, своими силами, без посторонней помощи); 天马行空 *небесный скакун мчится по воздуху* (обр. а) сильный и свободный (о стиле литературы или каллиграфии); б) не (невозможно) доискаться сути, никак не добраться до существа дела (о речи или поступке); в) полет мысли, богатство воображения, неумная фантазия; фантазировать; дерзновенный, дерзновение).

3. Честность: 饮马投钱 *бросить [в реку] медяк в уплату за водопой лошади* (обр. о чрезмерной честности).

4. Талант: 倚马可待 *опёрся на коня – и тысяча слов написана* (обр. в знач.: быстро и талантливо писать: по преданию о Цзиньском Юань Ху, который по приказу начальника во время похода мгновенно написал семь бумаг в отличнейшем стиле, сделал это на боку коня).

5. Амбициозность: 老马嘶风 *старые, но амбициозные люди*.

6. Стремительность, высокая скорость: 万马奔腾 *[будто] мчатся десять тысяч коней* (обр. о неудержимом движении вперед, огромной энергии, быстрых темпах; быстрый, стремительный).

В русской лингвокультуре зооморфная метафора *лошади* не является настолько продуктивной, как в КЯ. Анализ русского языкового материала позволил установить только одну когнитивную доминанту, которая лежит в основе характеристики положительного образа человека. В русской лингвокультуре образ лошади ассоциируется с идеей трудолюбия, например: *работать как лошадь, ломовая лошадь*.

В то же время в русском языке, как и в китайском языке, данная зооморфная метафора демонстрирует высокий уровень продуктивности для **отрицательной характеристики человека**. При этом в РЯ лексемы *мерин*, *кобыла*, *кляча* реализуют отрицательную характеристику человека по гендерным и возрастным признакам. В РЯ в основе концепта «лошадь» лежат следующие когнитивные доминанты:

1. Глупость: *глуп как сивый мерин*.
2. Возраст старый: *старая кляча*, *старая кобыла*; +стремление казаться молодым: *мышинный жеребчик*.
3. Обман: *врет как сивый мерин*.
4. Необузданность, вспыльчивость: *горячий как необъезженный конь*, *худая лошадь в гору рвет*.
5. Скрытность: *темная лошадка*.
6. Слабость: *пожалел волк кобылу*.

Для **отрицательной характеристики человека** в китайской лингвокультуре выделяются следующие концептуальные доминанты:

1. Обман + лицемерие: 打马虎眼 *делать для видимости, втирать очки; заниматься лицемерием* (букв. делать непонимающие глаза; прикидываться глухим и немым).
2. Необузданность: 脱缰之马 *сорвавшаяся с привязи лошадь* (обр. безудержно); 野马无缰 *дикая лошадь без узды* (о необузданном, безрассудном человеке).
3. Поверхностность: 跑马观花 *поверхностно, мимоходом, бегло* (букв. скача на лошади смотреть цветы).
4. Стремление угодить: 拍马溜须 *льстить, опускаться до лести, подхалимничать* (букв. похлопать лошадь по крупу).
5. Торопливость: 盲人瞎马 (букв. слепец на слепом коне; вслепую, второпях).
6. Повиновение: 马首是瞻 *идти на поводу у кого-либо; слепо следовать кому-либо; быть в полном подчинении у кого-либо; действовать по чьей-либо воле*.
7. Низкий социальный статус: 乞儿马医 *нищий и конский лекарь* (обр. в знач.: человек самого низкого пошиба, самой незавидной, низкой профессии); 马瘦毛长 *у бедного человека стремления ограничены; бедняку не до гордости; стыдиться бедности* (букв. у тощей лошади длинная грива).
8. Глупость: 目可瞻马 *непрозорливый* (обр. можно увидеть лошадь только вдалеке).
9. Заурядность 弩马恋栈 *кляча любит бобы в своем стойле* (обр. в знач.: обыватель, заурядный человек, боится потерять теплое место).

В русской и китайской лингвокультурах была также выделена еще одна концептуальная доминанта, общая для обоих языков:

Слабость, бессилие – КЯ: 害群之马 *лошадь, которая весь табун портит* (обр. паршивая овца всё стадо портит; в семье не без уроды); 铅刀弩马 *свинцовый нож и лошадь-кляча* (обр. унич. в знач.: негодный, никчемный человек, о себе). РЯ: *возгря кобыля; тощей лошади и хвост в тягость*.

Дискурсивный анализ показал, что в контекстной реализации одна и та же паремия может выражать как положительную, так и отрицательную оценку: *Последние недели ознаменовались для эстонского политикума переменами не менее крутыми, чем недавние президентские выборы, в ходе которых именитых кандидатов обошла никому неведомая «темная лошадка» Керсти Кальюлайд* (Вячеслав Самойлов. Новое правительство Эстонии: как оппозиция стала властью, 2016). – *Я молчу. Я темная лошадка, раздражающий фактор. Не дразни его, не пугай, пусть он будет благодушен и ослаблен* (Виктор Пронин. Самоубийство, 1978) [13].

Если паремии описывают ситуацию, то их выбор в контексте может основываться на следующих концептуальных доминантах, общих для обеих лингвокультур:

1. Улучшение ситуации: КЯ: 作死马医 *всё же пытаются исправить безнадежное положение*. РЯ: Баба с возу – кобыле легче.

2. Успех: КЯ: 马到成功 *поздр. Желаю вам скорейшего успеха! с ходу добиться полной победы (успеха)*. РЯ: *быть на коне; въехать на белом коне*.

3. Быстрая скорость: КЯ: 窗间过马 *между окон пробежала лошадь* (обр. время летит); 立马盖桥 *остановив коня [и не слезая с него], наводит (строить) мост* (обр. в знач.: делать что-л. с необычайной поспешностью; срочный, безотлагательный; быстро, поспешно). РЯ: *ехать как на курьерских; знать лошадей (коней)*.

Стоит отметить, что в китайской лингвокультуре лошадь является одним из божеств и входит в ряд зодиакальных животных (马神 божество лошади – один из верховных божеств китайцев). Древние китайцы регулярно подносили жертвы данному божеству, что, возможно, стало основой для когнитивных доминант, связанных с ритуалами и празднованиями: 素丝良马¹ *белый шёлк (возжжи) и добрые кони, упряжка (по ритуалу полагались мудрецам)*; 2) *похоронные обряды для достойных умерших*; 马革裹尸 *тело было погребено в шкуре коня* (обр. в знач.: с честью пасть на поле брани); 塞翁之马 (досл. лошадь старца из пограничной зоны; обр. скрытое (тайное) благословение).

Анализ языкового материала показал, что в китайской культуре функционально-когнитивная доминанта «лошадь как инструмент войны» является наиболее продуктивным при формировании паремий и в то же время данный признак совершенно мало характерен для русской лингвокультуры (*по коням, седлать лошадей*). В КЯ с войной связано 12 ФЕ, например: 横戈跃马 (досл. взять клевец наперевес и пускать коня галопом, обр. вступать в бой); 秣马厉兵 *кормить коней и точить оружие* (обр. в знач.: подготовиться к битве, готовиться к войне; мобилизоваться); 兵强马壮 *сильные воины и могучие кони* (обр. в знач.: сильная армия; большая военная мощь).

В китайских паремиях лошадь также ассоциируется с большими скоплениями людей (人语马嘶 *люди кричат, лошади ржут* (обр. сумятица); 兵慌马乱 *волнения, смутные времена*); с властью (腐索捍马 *гнилая веревка для защиты лошади* (обр. осторожно обращаться с государственными делами); 走马到任 *ехать на должность; вступать в должность*); с трудной дорогой (车殆马烦 *повозки чуть держатся, и кони измотались* (обр. устать от походов, от трудностей путешествия, выбиться из сил в дороге); 束马悬车 *стреножить лошадь и подвесить [на крюк] телегу* (для переезда через труднопроходимую горную местность; обр. в знач.: трудности пути, тяжёлая дорога), а также с богатством (肥马轻裘 *упитанные лошади и лёгкие меха* (обр. о богатстве, достатке)).

В русской лингвокультуре в ФЕ и паремиях, ориентированных на описание ситуации, используются в качестве когнитивных доминант физические характеристики лошади (*лошадиная доза; хоть конь и о четырех ногах, а спотыкается*) и различные бытовые ситуации (*дареному коню в зубы не смотрят; не в коня корм; не пришей кобыле хвост; вперед хомут купить, а по хомуту коня покупать*). Интересно отметить также, что слово *кобыла* может обозначать наискось установленную доску, у скорняков «кобыла» – это, козлы откосом. Кроме того, «кобыла» – это скамья, на которой наказывали преступников кнутом и пр. С этим связана ситуация «наказания», отраженная в устойчивых сочетаниях: *докрасться до кобылы, нюхать кобылу, повести на кобылу*.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

В китайской лингвокультуре зооморфных паремий с компонентом «*马* / лошадь» больше, чем в русском языке, и они более частотны, что свидетельствует о большем креативном потенциале рассматриваемого образа в китайском языке (о системном и дискурсивном аспектах креативности фразеологии см. подробнее в [2]).

Анализируемые паремии в обоих языках могут иметь как положительную, так и отрицательную коннотацию, в дискурсивной реализации знак оценки может меняться.

Носитель китайского языка прежде всего фокусирует внимание на функциональном признаке «лошадь как инструмент войны», в то время как в русском языке семантика идиом с компонентом «лошадь» в основном сформирована на когнитивной доминанте «лошадь как средство транспорта».

В русской лингвокультуре когнитивными доминантами при концептуализации образа лошади являются физические характеристики лошади, а также «трудолюбие» и «большое количество». В китайской лингвокультуре образ лошади в первую очередь воспринимается с точки зрения морально-этических качеств, приписываемых этому животному, таких как верность, стремление к свободе, честность, талант, амбициозность и др.

Когнитивные доминанты, связанные с быстротой и крупными размерами лошади, являются общими для обеих лингвокультур.

Паремии данного культурного кода используются как для характеристики человека, так и для оценки ситуации. В китайском языке появление значительного числа таких паремий является культурно-обусловленным и связано с традициями и обычаями китайского социума.

В заключение необходимо отметить, что когнитивно-дискурсивный анализ образов, лежащих в основе семантики китайских и русских паремий, позволяет выявить концептуальные структуры, состоящие из относительно простых концептуальных составляющих, которые, по-разному комбинируясь, участвуют в формировании фразеологических образов. Различия между фразеологическими образами разных языков могут быть обусловлены как разным составом концептуальных составляющих, так и разной фокусировкой одинаковых по составу концептуальных конфигураций. Регулярные тенденции в организации семантики китайских и русских паремий указывают на закономерности формирования кодов культуры, которые в разных языках значительно различаются, хотя могут иметь и некоторое сходство.

Список использованных источников

1. Телия, В. Н. Русская фразеология : Семант., прагмат. и лингвокультурол. аспекты / В. Н. Телия. – М. : Шк. «Языки рус. культуры», 1996. – 284 с.
2. Зыкова, И. В. Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического изучения / И. В. Зыкова. – М. : ЛЕНАНД, 2015. – 380 с.
3. Беляевская, Е. Г. Концептуальные основания культурных языковых знаков / Е. Г. Беляевская // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 642. – С. 85–96.
4. Беляевская, Е. Г. Внутренняя форма языка: когнитивные модели семантики / Е. Г. Беляевская // Когнитивные исследования языка №4(43). Когнитивные доминанты языкового сознания : коллект. монограф.; отв. ред. С. Г. Виноградова. – Тамбов : Принг-Сервис, 2020. – С. 80–108.
5. Семенас, А. Л. Лексика китайского языка / А. Л. Семенас. – М. : Восток-Запад, 2007. – 296 с.
6. 马国凡. 序言 // 马国凡 谚语锦集. 内蒙古: 内蒙古人民出版社, 2001. – 473 с.
7. 在线汉语成语词典 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.dffy.com/cy/>. – Дата доступа : 30.07.2022.
8. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / [авт.-сост. И. С. Брилёва и др.] ; отв. ред. В. Н. Телия. – М. : АСТ-Пресс книга, 2006. – 784 с.
9. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – 3-е изд. – М. : Русский язык, 1978. – 543 с.
10. Бирих, А. К. Русская фразеология : ист.-этимол. слов. : около 6000 фразеологизмов / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова ; под ред. В. М. Мокиенко ; С.-Петерб. гос. ун-т, Межкаф. словар. кабинет им. Б. А. Ларина. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель [и др.], 2005. – 926 с.
11. Фразеологический объяснительный словарь русского языка / под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. – М.: Эксмо, 2009. – 704 с.
12. Васильев, А. И. Фразеологический словарь языка М. А. Шолохова : в 2 т. / А. И. Васильев. – Т. I. – Стерлитамак : Фобос, 2015. – 419 с.
13. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/>. – Дата доступа : 30.07.2022.

Abstract. This article is devoted to the identification of cognitive dominants that ensure the uniqueness of the ethnosemantics of Russian and Chinese paremias with the zoonym “ $\overline{\text{马}}$ / horse”, as well as the features of their discursive implementation. It is concluded that the appearance of a significant number of such pairs in the Chinese language is culturally determined and is associated with the traditions and customs of the Chinese society.

Keywords: cultural codes, linguocreativity, phraseological units, paroemias, literary discourse; discourse analysis, Chinese, Russian.

УДК 811.161.1'373.4'42:398.92

Е. В. Кудрявцева

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей окказионального преобразования фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в публицистическом дискурсе. Фразеологизмы обладают яркой образной мотивировкой, что позволяет говорить об активном преобразовательном потенциале. Окказиональные преобразования происходят посредством замены анималистического компонента, при этом авторские интенции направлены на конкретизацию, интенсификацию значения и буквализацию фразеологического образа и значения.

Ключевые слова: фразеологическая единица, компонент-зооним, окказиональные трансформации фразеологизмов, авторские интенции, публицистический дискурс.

Публицистические тексты затрагивают проблемы и явления, актуальные для жизни социума. Они являются своего рода зеркалом, отражающим языковые и культурные процессы, которые происходят в современном обществе. Публицистические дискурсы формируют идеологию и мнение социума. Газетные статьи, новостные ленты раскрывают реалии современной жизни посредством интерпретации происходящего с точки зрения журналиста. Активное использование в публицистических текстах получили фразеологические единицы (далее ФЕ), что связано с их структурно-семантическими особенностями. Обладая экспрессией и образностью, фразеологический оборот делает процесс речевой коммуникации более ярким и насыщенным. Образная составляющая фразеологизма позволяет взглянуть на окружающий мир сквозь призму понятий и отношений, существующих столетия, так как именно «фразеологизмы репрезентируют культурное пространство нации, заключая в себе сущность явления, предмета или животного существа» [1, с. 11]. ФЕ передают опыт поколений. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом являются одной из самых обширных групп, которые используются во многих областях жизни социума, в том числе в публицистике.

Зооморфизмы выступают в роли символов и участвуют в формировании мировоззрения человека. Как компонент ФЕ зооним посредством метафорического переосмысления используется для характеристики человека или ситуации, в которой человек может оказаться.

Анималистические фразеологизмы могут употребляться как в узуальном, так и в окказиональном виде. Существуют ситуации, в которых языковой фразеологизм не удовлетворяет требованиям субъекта по определенным знаковым качествам. В таких случаях происходит внешнее и внутреннее преобразование инварианта.

Окказиональные фразеологизмы частотны в публицистических текстах, так как в преобразованном виде ФЕ приобретает новую оценочность и смысловую нагрузку. Здесь следует говорить о ведущей роли автора и контекста: «окказиональные явления обычно бывают индивидуальными новшествами, принадлежавшими отдельным лицам, часто писателям. Они реализуют творческую индивидуальность и живут не сериями, но одиночками» [2, с. 181]. Случаи окказиональных трансформаций являются результатом намеренного изменения языковых единиц в соответствии с различными целями коммуникации. Замена анималистиче-